

ВДАЛИ ОТ ШУМА ГОРОДСКОГО

Дитер Болен меняет имидж

3а рублем, 1994-15-21 апр. (15), с. 14

«ШТЕРН», ГАМБУРГ.

КРИТИКИ дали ему прозвище «Силомер», а поклонники обожают так, что он стал самым популярным немецким музыкантом. Речь идет о Дитере Болене, который после распада всемирно известной группы «Модерн токинг» с успехом продолжает одиночное плавание в бурных волнах шоу-бизнеса. О своей теперешней жизни он откровенно рассказывает корреспонденту журнала «Штерн».

— Господин Болен, с недавних пор вы живете, так сказать, в деревне. У вас поместье в 70 тысяч квадратных метров в Люнебургской пустоши. Вы не бонтеся от сельской жизни отупеть?

— А вы думаете, грязь и мусор больших городов — очень большой источник для творческого вдохновения? Здесь у меня природа, лошади, собаки. Все это делает человека невероятно уравновешенным. Это заметно и по моей музыке. Новый альбом, который я выпустил только что, не имеет ничего общего с музыкой подростков. Эти вещи — баллады, такие мог бы исполнять Фил Коллинз.

— Ну, таким сентиментальным, как ваш коллега, вас не назовешь.

— 80 процентов моей печали я прячу глубоко внутри. Но и у меня бывают времена, когда я брожу по полям повесив голову...

— А почему же тогда ваша музыка звучит так бездумно весело?

— Наверное, потому, что фирма грамзаписи, которая выпускает мои песни, старается меня

по возможности веселить. Они не беспокоят меня плохими новостями. Если звонят сюда, то только для того, например, чтобы сообщить, что в Гренландии меня наградили «золотым диском»...

— Немецкие музыкальные критики окрестили вас «Силомером».

— Часто о музыке судят люди, которые сами не держали гитары в руках. За последние 9 лет я сочинил 70 хитов. До меня такое не удавалось еще никому. Я самый популярный на сегодня композитор в Германии. А от вас, журналистов, по-прежнему ждут, чтобы вы изображали меня маленьким недалеким замухрышкой.

— Однажды вы без ложной скромности заявили: «Я действительно считаю себя одним из последних великих немецких композиторов». Бетховен, Бах, Болен?

— Композиторов в наше время практически не осталось. Выставить на сцену поющего негритенка и что-бы на заднем плане кто-то выдавал «рэп» — вот что сегодня в моде.

— Пон-машина Дитер Болен выдает по три хита за день. Кто решает, какие из них будут опубликованы?

— Я отсюда звоню на фирму грамзаписи и по телефону исполняю новую песню. «Это чушь», — говорят

мне. Ладно, я вешаю трубку и сажусь за работу. Потом все опять повторяется.

— Где же ваше хваленое своеобразие?

— Если я напишу «пустышку» для своего певца, он от меня откажется. Даже когда твои хиты пользуются успехом, от тебя все равно уходят исполнители. Они очень ревнивый народ, сплошные эгоисты. Они лучше

будут работать с продюсером, который выглядит, как урод, одевается, как бомж, и усеян прыщами и бородавками. Поскольку я не таков, многие мои певцы меня бросали.

— От этого становишься циником?

— Во всяком случае, испытываешь горечь. Вообще каждый день случается что-то, от чего чувствуешь, что тебя обгадили. Например, мой финансовый консультант посоветовал мне вложить деньги в акции одной компании, а она обанкротилась. Я одним махом потерял пару миллионов марок.

— Ну, Дитер Болен, кажется, еще не совсем обнищал. Журнал «Форбе» сообщает, что вы зарабатываете 5,8 миллиона марок в год. Уж извините, но мы не будем вам очень-то уж сочувствовать...

— Не скажите. Мне по-прежнему приходится горбатиться из-за каждого пфеннига. Я хочу сделать все для того, чтобы мне не пришлось в старости лет оказаться где-нибудь на вок-

зале с гитарой в руках и шляпой у ног.

— Вы еще и кокетничаете?

— Все немецкие музыканты так или иначе уклоняются от уплаты налогов и для этого уезжают в другие края. Ведь налоговое бремя не малое: с каждого миллиона мне остается лишь 300 тысяч.

— Так бегите в Монако!

— Может быть, это прозвучит ужасно патетически, но я люблю все это, мою страну. Кроме того, я не хотел бы, чтобы трое моих детей ходили в школу в Монако, вместе со всеми этими миллионерскими детками. Конечно, они потом блестяще катались бы на водных лыжах, но были бы совершенно изуродованы как личности.

— Вы ведь разошлись со своей женой. Как часто удается видеться с детьми?

— Каждую субботу и воскресенье. Конечно, ситуация тяжелая. Мой восьмилетний сын Джон перед Рождеством написал записку Санта-Клаусу: «Я не хочу никаких подарков, пусть только папа снова вернется домой». Когда прочтешь такое, сердце разрывается.

— Вы живете вместе со своей подругой Надей. А есть ли друг у вашей жены?

— Во всяком случае, в моем доме никакой друг не живет.

— Вы хотите сказать в ее доме?

— Нет, именно в моем. Я работал в поте лица, чтобы его построить. Я не допущу, чтобы кто-то другой сидел там на моем диване...

Дитер с Надей в своем деревенском доме.

— Почему вы с женой расстались?

— Эрика очень меланхолический человек, поэтому мы все время немножко усугубляли меланхолию друг друга. Нада же полная ее противоположность, она как солнечный луч.

— Дитер Болен не пьет и не курит. Вы аскет?

— Судите сами. Мой день начинается в 9 утра и продолжается до 10 вечера. Я сам погоняю и погоняю себя. В 22.30 смотрю по телевизору программу новостей, обмениваюсь парой фраз с Надей и заваливаюсь спать, потому что выжат как лимон.

— Не скажешь, что это похоже на светскую жизнь...

— А по-иному и нельзя, если хочешь выдавать продукцию высокого качества, не только музыкальную, но и текстовую. Порой приходится биться и с грамматикой, и с рифмами... Когда пишешь текст по-английски, думаешь о том, как его будут воспринимать англичане, американцы. Вдруг они скажут: «Это еще что за чушь?»

— Дитер Болен очень крут со своей подругой?

— Обо мне так говорят из-за резкой манеры выражаться. В действительности я вовсе не разыгрываю из себя пашу. Если Нада говорит мне, что надо убрать за собаками или лошадьми, я послушно иду и убираю.

— Ваш отец — процветающий предприниматель. Один психолог объяснил вашу неумность в работе комплексом соперничества с отцом.

— В действительности для меня гораздо важнее, что говорит обо мне моя мама. Я хочу, чтобы она гордилась мной. Если я слышу от нее такие слова: «Дитер, ты доставлял мне в жизни одни только радости!» — я чувствую себя счастливым.

— Ваш разрыв с Томасом Андерсом, партнером по группе «Модерн токинг», овеян слухами и легендами. Расскажите нам свою версию.

— Томас меня измучил. Я нажил себе язву и харкал кровью. Он вытво-

рлял такие, например, штуки. Телеведущая Дезире Носбуш пригласила нас к себе на передачу. За две минуты до начала Томас вдруг уезжает из города. Видите ли, ему не понравилось, что представлять телезрителям нас будет женщина. Дезире рыдала так, что я думал, у нее будет припадок. Такая же история случилась в Швеции. Он потребовал, чтобы ведущую заменили мужчиной. Она его послала куда подальше.

— Жену Андерса Нору называют «ведьмой поп-музыки». По заслугам?

— Нора доставляла нам много трудностей. Например: во время записи одного клипа она грохнулась на пол без сознания. Все заволоновались, стали оказывать ей помощь, а она... подглядывала одним глазком, по-прежнему ли ее персона в центре внимания. Она частенько устраивала во время работы такой сумасшедший дом.

— У Андерса действительно 16 автомобилей?

— Может быть, 15. Когда мы бывали за границей и он в ресторане не мог прочитать меню, он просто заказывал все подряд, а потом выбирал что понравится. Он много о себе воображал. Это проявлялось и во время работы. Томас появлялся на студии, не снимая пальто, вставал к микрофону и заявлял: «Эй, послушай, у меня два часа свободных, потом я уезжаю». Он улетучивался, а всю черновую работу по составлению альбомов оставлял мне.

— Некоторое время тому назад вы потрясли всех нас несчастным случаем, который с вами произошел. Газета «Бильд» написала даже, что вы «потеряли предмет своей мужской гордости»...

— У меня были приступы головокружения, и я упал в ванной, да так неудачно, что ударился этим самым местом. Это была ужасная травма. На «скорой помощи» меня доставили в больницу. Было очень больно, но, к счастью, обошлось...